

ЭМПИРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПРАВА (предисловие к переводу *Философии права* Эмиля Ласка)

«Помнишь ли ты некую общепользную лекцию, которую нам однажды читали и из которой явствовало, что отнюдь не всё в музыке надо слышать? Если ты под “слушанием” подразумеваешь какую-то конкретную реализацию тех средств, которыми создаётся высший и строжайший устав, звёздный, космический устав и распорядок, то её не услышат. Но самый устав будет или может быть услышан, и это доставит людям неведомое доселе эстетическое удовлетворение».

Томас Манн *Доктор Фаустус*

Предлагаемый вниманию читателя перевод подобен тому произведению, которое едва ли возможно воспринять без предварительного ознакомления с «уставом» его интерпретации в рамках традиции неокантианства, тем более, едва ли возможно получить эстетическое удовольствие. И всё же, несмотря на сложности перевода Эмиля Ласка на русский язык, мы попытались приблизиться к сокровенному смыслу, укрывающемуся за искусственно сконструированными словосочетаниями, в неблагозвучных выражениях. Быть может, именно их неорганичность, косные и неподатливые для восприятия выражения содействуют предельной концентрации мысли на сокровенном, где границы между значимым и ценным для Ласка, переводчика и читателя размываются.

В работе *Философия права*, ставшей в 1905 основанием габилитации немецкого философа Эмиля Ласка под руководством Вильгельма Виндельбанда, содержится первоначальный вариант его аксиологической теории, выделившей философа из ряда неокантианцев в качестве оригинального мыслителя. Хотя работа составляет всего полсотни страниц, она раскрывает содержание основных понятий теории Ласка, возможности и границы их эволюции. Учитывая специфику становления и развития категориально-понятийного аппарата аксиологической теории, работа Ласка существенно выделяется оригинальностью постановки вопроса об эмпирической действительности и реальности, изначальной укоренённости ценности в эмпирии.

Тем не менее данная работа знакома преимущественно представителям узко специализированного сообщества, главным образом правоведам. Большинство философских исследований творчества Эмиля Ласка проявляют интерес к

его более поздним работам, посвящённым логике. Однако именно *Философия права* позволяет лучше понять, с чего начинал Ласк свои философские искания, ради чего он оставил некогда отчий дом, чему и во имя чего пожертвовал свою жизнь. И наконец-таки, что же выделяет Ласка из ряда неокантианцев с первых дней его творчества? И почему он остаётся для большинства философов в тени диссертации Мартина Хайдеггера, чьё посвящение увековечило вдохновение, некогда обрётённое им в философии Эмиля Ласка?

На современного читателя тексты Ласка оказывают двойственное воздействие. Они одновременно пленяют своей глубиной, оригинальностью изложения аксиологической теории и устрашают сложностью семантических и синтаксических нагромождений, охраняя границы собственного автономного существования. Учитывая их своеобразие, довольно сложно сохранить преемственность интерпретаций, в которых возможно было бы воспроизвести единое и непоколебимое ядро теории немецкого философа, последовательно реконструировать её основные понятийно-логические связи. Как следствие, основная задача переводчика заключалась в воспроизведении тех смыслов, которые оказываются созвучными вектору развития современной социальной теории в период «практического поворота» философии, в особенности в связи с актуализацией вопроса о способах «ценствования» эмпирического мира и проникновением эстетической теории в сердце социальной теории. Ярким тому подтверждением являются работы Г. Зиммеля, А. Лефевра, А. Бадью, Ж. Рансьера, Б. Хюбнера, Б. Латура, Дж. Ло, С. Лэша, Дж. Урри. В исследованиях представителей различных философских и социологических школ прослеживается общая линия трансформации места и роли эстетической теории в современных социально-гуманитарных дисциплинах.

Эмиль Ласк был непосредственным свидетелем первоначального «практического поворота» в рамках неокантианства. В изысканной форме он выразил ту тенденцию развития социально-гуманитарного и естественно-научного познания, которая проявлялась в отдельных работах мыслителей того времени. Так, он одним из первых заметил, что уже в работах немецкого социолога Георга Зиммеля эстетическая теория обретает новое положение в рамках социальной теории, отныне выступая не только в качестве формы развития последней, но превращаясь в теоретико-познавательный принцип организации социальной теории в целом. В работе *Социологическая эстетика* Зиммель следующим образом определял сущность эстетического познания:

«То, что уникально, подчёркивает типическое; то, что случайно, представляет собой нормальное; поверхностное и текучее выступают в качестве существенного и основного. ... Если мы допускаем возможность полной реализации эстетической оценки, мы обнаруживаем, что между вещами нет существенных отличий. Тогда наше мировоззрение – суть эстетический пантеизм. Каждая точка содержит в себе потенциал бытия, призванный возвращать к абсолютной эстетической

важности. Соответствующим образом тренированный глаз замечает, что тотальность красоты, полное значение мира как целого, исходит из каждой сингулярной точки»¹.

Уже из этого маленького фрагмента можно понять, почему Ласк уделяет столь значимое внимание социологии Зиммеля. В ней он находит обоснование возможности существования «реальных абстракций» «в качестве символических репрезентаций социальных функций в объективной обстановке». Интерес к эмпирическому воплощению ценности пронизывает всю философию Ласка.

Неокантианский призыв вернуться к вещам, пробиться к их подлинной автономной данности, выявить их эмпирический субстрат на новый лад звучит сегодня и в рамках актор-сетевой теории с её стремлением научиться «слушать вещи»², не навязывая им язык социально-гуманитарных наук; чувствовать их боль; следовать за ними, а не вести за собой; взаимодействовать с ними, а не довлеть над ними. В этом контексте переосмысливается суть социального, немислимого самого по себе. Оно являет себя отныне лишь как «танец»³ многообразия материальных и нематериальных акторов, чьи взаимоотношения первично схватываются благодаря некой эстетической эмпирической форме, доступной для восприятия и познания. Отсюда проистекает и интерес к воспроизводству эстетических форм, с помощью которых возможно содействовать осмыслению идеи устойчивого развития.

Обозначив лишь несколько вариантов возможностей обоснования актуальности теории Ласка, мы перейдём далее к фиксации тех идей работы, которые приобретают новое своеобразное звучание в контексте современной социальной теории.

При первом обращении к *Философии права* возникает закономерный вопрос относительно причин выбора права в качестве основания для выявления эмпирического субстрата ценности. Одним из возможных ответов на данный вопрос является определение специфики «природы» права как социального феномена. Его природа отображает синтез формальных и материальных обстоятельств социального. При этом в науке о праве они различаются и фиксируются настолько явно, что остаётся лишь подвергнуть специальному философскому анализу методологию науки о праве, чтобы осознать, каким образом возможно пробиться к «вещному *prius* понятия нормы», достичь подлинного основания понятия ценности.

¹ Simmel G. Sociological Aesthetics // *The Conflict in Modern Culture and Other Essays*. Trans. K.P. Etzkorn. New York: Teachers College Press, 1968. P. 69.

² Law J. Introduction: Monsters, Machines and Sociotechnical Relations // *Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology and Domination*. London, New York: Routledge, 1991. P. 15.

³ Ibid., p. 18.

Исследуя философию права, Ласк формулирует задачу определения специфики ценности права и соответствующего учения о типе ценности. Эта специфика проявляется в особенности отношения типа ценности к эмпирии. Тип ценности демонстрирует оборотную сторону действительности, выступающую её субстратом. Поэтому он представляет собой своеобразную формулу ценствования каждой отдельной эмпирической действительности. Учение о типе ценности раскрывает две возможности оперирования формальными ценностями:

- чистое систематизирование абсолютных значений, не выходя за рамки мира ценностей;
- учёт отдельных воплощений ценностей.

Исходя из такого рода учения, философия права для Ласка – это, прежде всего, «поиск трансцендентального места или типичных отнесений к ценности права, вопрос о “запряжённости” в связность мировоззрения».

Избрав область права в качестве предмета исследования, Ласк формулирует вопросы, призванные вывести читателя за рамки устоявшегося понимания границ науки, изучающей право. Существует ли в принципе присущая праву ценность? Какую «формулу права» пытается раскрыть философия права? Подобный способ вопрошания приводит к переосмыслению «фактичности» и «нормативности» права в современном мире, форм и методов реализации политики, в основании которой лежит описание, признание и воспроизведение некоего «идеального кодекса» правил и норм поведения, проверки согласованности индивидуальной данности с формальной конечной целью.

Желая преодолеть границы какой-либо строго заданной методологической парадигмы, немецкий философ чётко фиксирует преимущества собственного подхода к поиску трансцендентальной прерогативы эмпирической действительности. Они проявляются в переосмыслении двумерного способа рассмотрения мира, дуализма эмпирической действительности и надэмпирических ценностей, позитивно-научных и спекулятивно-метафизических размышлений.

На примере философии права Ласк демонстрирует условность дуализма философского и эмпирического методов, предлагая рассматривать философию права в качестве размышления о ценности, являющегося в то же время научно-правовым исследованием действительности права. При этом противопоставление ценности и действительности преодолевается посредством различения и демонстрации взаимосвязи ценностной единственности как эмпирического субстрата действительности и типа ценности как ценностной общности элементов содержания действительности.

Ценностная единственность способна так же воспарять над действительностью, как и ценностная общность. Понятие ценностной единственности, в отличие от формальной ценности, восстанавливает единство мира ценностей и действительности.

Её определение позволяет говорить о том, что структуры действительности и мира ценностей существуют не параллельно, но суть одно и то же. Здесь раскрывается и существенное отличие теории Ласка от теории Г. Риккерта. Последний, дабы преодолеть пропасть между действительностью и ценностью, выделяя «третье царство» – «царство смысла». Тогда как Ласк раскрывает их структурное единство, делая акцент на эмпирической преданности и заданности содержания ценности, к которому отсылает её форма.

В отличие от Риккерта, Ласк фиксирует другого рода пропасть. Отталкиваясь от определения *реальности* как проекции вымышленного на плоскость действительности, он различает *формальную* и *материальную действительность* как два типа *реальности*, между которыми простирается пропасть – между смыслом и бытием. Складывается впечатление, что он словно бы очарован раскрывающейся пред ним пропастью между бытием и смыслом. По мере того как Ласк созерцает её зияние, он пытается сделать её доступной познанию в качестве уже не пропасти, но зазора – «ущелья», где возможно «уйти в Себя».

Реализовав «уход в Себя» и выйдя из «ущелья», Ласк воспаряет ввысь над сферой эмпирической действительности и созерцает мир значений, к которым отсылают объекты. Прежде эти значения были лишь осязаемыми вследствие «*никогда-не-соблюдаемой-тишины*» вещей. Последнее понятие выделяет особый мир вещей, чьё спокойствие постоянно нарушается оценкой вещи, вскрывающей в ней отсылку к миру ценностей. Отнесение к ценности и есть сокровенная тайна вещи – суть вещи, раскрываемая лишь посредством изначально наличных в эмпирической действительности переменных, из которых складывается формула ценности. Такого рода «введение ценности в жизнь» в рамках любого философско-правового исследования способствует обнаружению сокровенного позади нормативного.

В результате преодолевается пропасть между смыслом и бытием. Возможность перехода реализуется благодаря симметричным способностям: с одной стороны, благодаря способности ценности отсылать к тому, что значимо, в процессе её ценствования; с другой стороны, благодаря способности субъекта оценивать объекты эмпирической действительности на основании уже скрывающейся в них отсылки к ценности. Другими словами, ценность, воплощённая в эмпирическом мире, «отсылает» к значениям, концентрируемым в надэмпирическом мире. Над ними, в свою очередь, простирается регион ценностей, где содержатся предельные значения «понятий понятий». Но такого рода мир не существует автономно, подобно царству идей Платона, как и нельзя сказать, что его содержание – подобие категорий Аристотеля. Этот мир ценностей оказывается изначальноным субстратом эмпирической действительности, так как не существует вне эмпирических переменных содержания «формулы ценности».

Одним из центральных вопросов остаётся определение того, что выступает в качестве «эмпирической действительности» и «эмпирической реальности», зачастую неправомерно противопоставляемых ценности. И как раз анализ реальности и действительности права, выделение подвидов формальной и материальной позитивности, позволяет продемонстрировать, что «реальность» – это то, что в индивидуальной полноте содержания и исторически обусловленной конкретности позитивных предписаний права обнаруживает трансцендентальную прерогативу *эмпирической действительности*. Последняя – субстрат для всецелого и системного рассмотрения ценности. Тогда как «эмпирическая реальность» – это вид значимости. Она может противопоставляться ценности только вследствие гипостазирования абсолютной нормативности в качестве эмпирического. Абсолютная нормативность – это проявление разумности во внешних обстоятельствах в результате эманации норм права из его абсолютного значения, которое в свою очередь иногда подменяется понятием разума и его авторитетом. В результате абсолютное и естественное, внутреннее и внешнее – едва ли различимы. Ввиду данного обстоятельства существует путаница между философско-правовыми и естественно-правовыми теориями. Чтобы обозначить условную границу, необходимо «обеспечить существование материального». Гарантия его существования воспроизводится, согласно Ласку, в процессе преодоления дуализма материального и формального, ввиду которого утрачивается возможность определения материального при отсутствии того, чему оно противопоставляется. Перспективы такого рода преодоления Ласк демонстрирует на примере анализа социального в трёх измерениях:

- 1) *формально* оно противопоставляется эмпирическому субстрату ценности;
- 2) *конкретно* оно проявляется как мир трансперсональных ценностей;
- 3) *в царстве ценностей* оно приобретает промежуточное положение.

Интегрируя воедино различные аспекты анализа, *социальное* определяется как воплощение идеальных притязаний всей мыслимой *общественной жизни*. При этом Ласк отмечает, что любой род общественной жизни не существует, но *значит*.

Аналогичным образом Ласк преодолевает дуализм материального и формального применительно к понятию культуры. *Культурная реальность* (предъюридический субстрат) проявляется в процессе превращения свободной действительности каждого вида *отнесения к ценности* в материал наук о культуре. Но рассмотрение значений культуры предполагает существование *теории отнесения к ценности*, не ограничиваясь рамками науки о культуре, которая изучает эмпирическую и временную фактичность проявления абсолютной значимости. Такого рода фактичность оказывается скованной в своей голой временности, превращаясь

лишь в место проявления ценности. Тогда как в рамках теории отнесения к ценности *культурное развитие* – это временная причинно обусловленная связность, где обстоятельство временности и случайности эмпирического вот-так-бытия не предельно.

Симуляция самостоятельного существования абстрактного содержания культуры в качестве существования-для-самого-себя реализуется в измерениях конкретной и абстрактной реальностей. Их соотношение напоминает зиммелевские «символические репрезентации социальных функций в объективной обстановке», «реальные абстракции». Они подобны графическим изображениям математических отношений. Аналогичным образом можно рассматривать и юридический факт покупки как смутное подобие графического изображения математических отношений физического события, когда выделяются и фиксируются лишь отдельные характеристики конкретного физического события. Такого рода различие между миром сущего и значащего позволяет справиться с бесконечностью параметров описания физического мира.

В этом контексте объяснимо отречение науки о праве от физического лица. Юридическое лицо может быть отдельным и общим, но оно никогда не является физическим. Фиксируя этот факт, Ласк предвкушает возможности раскрытия новых горизонтов науки о праве благодаря философии права, позволяющей заново открыть эмпирический мир для социально-гуманитарных дисциплин.

В итоге небольшая по объёму работа Ласка не ограничивается описанием «явления ценностей из временности» благодаря фиксации условных координат формально-методологических отношений. Что особенно значимо для современной культуры, Ласк демонстрирует методы *воспитания чувствительности к миру эмпирическому* в многообразии его эстетических форм. При этом вопрос о первичности одного из миров снимается сам собой, если мы способны «удержать Себя» в ущелье между бытием и смыслом. Хотя эмпирическая реальность – лишь проекция вымышленного на плоскость эмпирической действительности, но без нахождения и обретения «плоскости» едва ли возможно существование какой-либо проекции.

Ирина Мацевич